

Владимир Борисович фон Шлиппе

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДИ-ПИ В ФРАНЦУЗСКОЙ ЗОНЕ ОККУПАЦИИ

Меня попросили поделиться с вами эпизодом из эпопеи Ди-Пи, в котором участниками были близкие родные мои.

Но сначала я должен представить себя и свою семью, чтобы вообще было понятно, каким образом кто-то из семьи мог оказаться в категории Ди-Пи.

Мой прапрадед Шлиппе молодым человеком в начале XIX века из Германии переехал в Россию. Другие предки были либо русские — с материнской стороны, либо осевшие в России с петровских или екатерининских времен выходцы из западной Европы. Прапрадед Карл Иванович Шлиппе был химиком с хорошими знаниями ботаники и геологии. В Москве он основал свою химическую фабрику, поступил на государственную службу, — был, между прочим, «химиком Императорского Московского общества сельского хозяйства». За заслуги в деле развития промышленности был во время царствования Николая I удостоен потомственного дворянского звания.

Старший сын Карла Ивановича Владимир Карлович, то есть мой прадед, стал губернатором, сначала в Екатеринославле, а затем в Туле, а по выходу в отставку получил назначение в Государственный совет. Его сын Федор Владимирович — мой дед — отслужил в Туле воинскую повинность, получил высшее образование в Московском университете и в Сельскохозяйственной академии, а затем служил земским деятелем, был Председателем Московской земской управы. В своем имении в Верейском уезде вел семенное хозяйство в тесном контакте с Сельскохозяйственной академией, был сподвижником столыпинских сельскохозяйственных реформ.

Февральскую революцию семья встретила лояльно, хотя и без восторга. Но с приходом к власти большевиков деду грозила расправа, и семья бежала за границу, осела в Берлине. В эмиграции Федор Владимирович был видным деятелем, в основном, в качестве председателя германского отделения Русского Красного креста. Когда в 1945 году стала приближаться к Берлину Красная армия, то дед с семьей бежал, и после ряда скитаний они оказались в городке Вангене на юге Германии. Ванген был под французской оккупацией, и это сыграло решающую роль в эпизоде, о котором будет речь. Оказались они в Вангене до конца 1945 года, и таким образом попали в категорию Ди-Пи.

Но прежде чем окончательно перейти от присказки к делу, я должен еще объяснить, почему я сам не оказался в рядах Ди-Пи. Дело в том, что мой отец был инженером-самолетостроителем в фирме «Юнкерс» в городе Дессау, который оказался под советской оккупацией. Советские власти собрали бывших сотрудников «Юнкерса», и вскоре был произведен первый опытный самолет, разрабатывались проекты новых самолетов и двигателей. Поскольку такая деятельность шла вразрез с договорами с западными союзниками, то весь опытный завод бывшего «Юнкерса» был в октябре 1946 года перевезен в Советский Союз, в поселок Подберезье Кимрского района. В Подберезье я окончил десятилетку в 1950 году, а до возвращения в Германию еще успел побывать студентом сначала Куйбышевского индустриального института, а затем Горьковского университета. Так что тот эпизод из жизни Ди-Пи, о котором я

расскажу, я знаю не по собственному опыту, а по рассказам, в основном, тетушки Ксении Эмануиловны, которая в них непосредственно участвовала.

Тетя Ксения была замужем за младшим сыном Алексеем моего деда Федора Владимировича. Алексей Федорович, как и его родители и жена, немецкого подданства не принимал, оставался бесподданным, то есть с так называемым «нансеновским паспортом» Лиги Наций, и поэтому не подлежал военной службе. После конца войны он с женой Ксенией и младенцем Петей тоже оказался в Вангене, там же, где и родители, так что они все вместе стали Ди-Пи — “Displaced Persons”, то есть «перемещенными лицами».

В Вангене и близлежащих местечках летом 1945 года было несколько тысяч беженцев, как советских граждан, так и русских эмигрантов «первой волны». У многих беженцев не было документов. Первым делом требовалась регистрация, чтобы властям можно было разобраться в ситуации. Французские оккупационные власти поручили регистрацию Русскому Красному кресту. Председателем РКК был генерал Алексей Александрович фон Лампе, генерал царской армии, который находился в г. Линдау, неподалеку от Вангена. Председателем в Вангене он назначил Алексея Федоровича.

Деятельность генерала фон Лампе в этот период отражена в Википедии:

«В Линдау, при содействии французских оккупационных властей, вел. кн. Веры Николаевны и Дуплева (секретаря Красного Креста. — *В.Ш.*), фон Лампе открыл офис Красного Креста, который регистрировал всех “бесподданных” — “старых” эмигрантов и тех русских, кто укрывался от насильственной репатриации. Занимался спасением советских граждан и русских эмигрантов от насильственной репатриации в СССР».

Ди-Пи были, конечно, многих национальностей: голландцы, поляки, французы и все, все, кого немцы в годы войны насильно вывезли из своих стран, чтобы работать в Германии. С голландскими и французскими Ди-Пи проблем не было: была только техническая задача — перевести на родину огромные массы людей по разоренной бомбежками и другими военными действиями Европе. Проблема возникла в связи с Ди-Пи из восточной Европы — русских, украинцев, поляков и других национальностей Советского Союза, и заключалась в нежелании этих граждан возвращаться домой.

С точки зрения советских властей, по меньшей мере советские граждане подлежали репатриации в Советский Союз, но вывозились подчас и «старые эмигранты». Для проведения нужных мер были откомандированы специальные комиссии в зоны оккупации западных союзников. Эти репатриационные комиссии разъезжали на военных грузовиках и арестовывали граждан, которые не могли доказать, что они не являются советскими гражданами. От них прятались, как могли, убегали, но не всегда удачно.

Французские оккупационные власти к задаче репатриации Ди-Пи подходили ответственно, в отличие от американцев и особенно англичан. Были устроены комиссии, состоящие из французского офицера в качестве председателя, советского офицера и переводчика. В Вангене председателем был французский полковник — русский эмигрант, прекрасно владевший русским языком. С советской стороны в комиссию вошел капитан Гундерев (так Ксения Эмануиловна запомнила его фамилию) — интеллигентный человек, который до войны был инженером. Как

Председатель Русского Красного креста, Алексей Федорович представлял русскую общественность. Он был хорошо подготовлен к этой деятельности — обладал знанием трех языков, нужных в этом деле — французским, русским и немецким, — и с юности через своего отца был знаком с работой Русского Красного креста.

Когда впервые собралась эта «тройка», советский капитан Гундерев спросил Алексея Федоровича, может ли он доказать, что он не был советским гражданином. Основания к такому вопросу, конечно, были, так как Алексей Федорович прекрасно говорил по-русски таким московским говором. В результате разыгралась сцена, достойная пера Гоголя. У Алексея Федоровича на руках не было нужных документов — его «нансеновский паспорт» был выдан в 1940 году, но он вспомнил портрет Шаляпина, который Шаляпин ему подарил с дарственной надписью и с датой — 1934 годом. Капитан был согласен принять портрет в качестве доказательства, но потребовал его увидеть. Портрет же был дома у Алексея Федоровича. Подвернулся парнишка Митя, которого Алексей Федорович попросил сбегать за портретом, но тот при виде красноармейского офицера побежал не жалея ног. Со вторым русским парнем это повторилось, так что капитан даже смутился, что от него шарахаются, как от нечистой силы. Тогда он предложил Алексею Федоровичу вместе поехать на своей машине. Появление Алексея Федоровича с капитаном вызвало волнение: мол, нашего председателя арестуют! Приехали к дому, где приютились Алексей Федорович с женой и сынишкой, его родители и няня Вера. Няня, увидев красноармейца, схватила на руки младенца и убежала, опять же к большому смущению капитана. Алексей Федорович с капитаном поднялись на второй этаж, где им открыла мать Алексея Федоровича, Елизавета Петровна. Она не потеряла самообладание, спокойно спросила, что капитану угодно. Алексей Федорович объяснил ситуацию, и они прошли на кухню, где Федор Владимирович раскладывал пасьянс. Увидев капитана-красноармейца, Федор Владимирович сердито посмотрел на него и строго спросил: «Почему вы взорвали храм Христа Спасителя?» Капитан стал объяснять какой-то необходимостью, а тем временем Алексей Федорович принес портрет Шаляпина. Капитан его рассмотрел и согласился, что Алексей Федорович действительно из старой эмиграции.

Вообще капитан Гундерев оказался весьма сговорчивым человеком. Был в Вангене русский врач-гинеколог из Харькова с женой и малолетним сыном. На допросе о месте рождения доктор назвал Кенигсберг, и что в Кенигсберге тоже родился его сын. Вдруг у капитана в руках бумага, с которой он зачитывает, что сын родился в Харькове: «Как же так?» — спрашивает. На что доктор, заикаясь от ужаса, отвечает: «Это ошибка». Капитан ему протягивает обличающую бумагу и говорит: «Доктор, не ошибайтесь!»

Эта «тройка», как суд, восседала за столом в зале местной школы, куда вводились один за другим Ди-Пи для выяснения, подлежат ли или не подлежат они репатриации. Документов на руках беженцев, конечно, не было. Им задавали вопросы для выяснения личности и, главным образом, места рождения и места проживания перед началом войны: если родился и жил восточнее Буга — значит, тебя репатрируют, хочешь ли того или нет. А многие Ди-Пи были малограмотными и не сильны в географии, так что мест западнее Буга не знали, разве что действительно оттуда родом. Вот и создавались ситуации, которые со стороны могли выглядеть забавными, но от которых зависела судьба такого Ди-Пи.

Насколько мне со слов тетушки Ксении Эмануиловны известно, насильственной репатриации с применением оружия из французской зоны не было.